

Анализируется современная ситуация в архитектурном образовании, связанная с изменениями в способах усвоения информации, с обилием знаний, возможностью дистанционного получения образования и проч. Формулируются проблемы и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: современное архитектурное образование в России; традиции и инновации; предпринимательство и изобретательство в архитектуре; бакалавриат; магистратура. /

The article analyses the current situation in the architectural education concerning the changes in the way of acquiring information, the abundance of knowledge, the possibility to get a distance education, etc. The problems are formulated, and their solutions are proposed.

Keywords: contemporary architectural education in Russia; traditions and innovations; business and inventive activities in architecture; bachelor's degree; master's degree.

< https://yandex.ru/images/search?text=выпускники%20вузов%20в%20россии&img_url=https%3A%2F%2Fnika-media.ru%2Fsites%2Fdefault%2Ffiles%2Foriginal_nodes%2Ffrf-vypuskniki.jpg&pos=0&rpt=simage

Российское архитектурное образование: «Пилите, Шура, она золотая...» /

ТЕКСТ
Марк Меерович /
text
Mark Meerovich

О традиционных формах педагогической деятельности

Сегодня произошли тектонические сдвиги в процессах потребления информации – молодежь автоматически отторгает все, что навязывается ей в централизованном порядке «авторитетами», – образ жизни, стиль поведения, шаблоны делового языка, стереотипы формирования карьеры, льющиеся из телевизора потоки официальной информации... знания. Даже приходя на учебу в вуз, который призван транслировать профессиональные знания, молодежь отвергает их, сама формируя свое информационное поле. Причем по большей части делая это интуитивно.

Поколение интернета атомизировано и обособлено в личном плане, но при этом гораздо более коллективизировано и структурировано по «горизонтали». Сеть интернета формирует соответствующую (сетевую) самоорганизацию общества и, как следствие, специфический тип коммуникации, неблиблотечные способы сбора информации, свободную кооперацию в осуществлении инициатив и даже отдельных видов деятельности.

Молодежь чувствует себя крайне некомфортно в рамках традиционной авторитарно-иерархической вертикали трансляции знаний в стенах вуза. И я не знаю ни одного отечественного вуза, в котором организация учебного процесса хоть как-то учитывает этот феномен и реагирует на него. Не знаю ни одного вуза, где в учебный процесс официально введена форма группового выполнения проектных заданий или научно-теоретической проработки материала, которая, к слову сказать, активно практиковалась в 1920-е годы в форме так называемого бригадного способа обучения и доказала свою эффективность. Правда, лишь в отношении тех, кто шел учиться осознанно и целеустремленно.

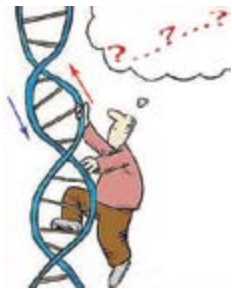
Об устарелости традиционности роли преподавателя в условиях информационной революции

За последние 50 лет отечественная система архитектурного образования не ввела никаких инновационных подходов в традиционную иерархическую вертикаль взаимодействия преподаватель – студент. Хотя ситуация изменилась за это время фактически диаметрально образом. Если в советский период преподаватель был основным источником знаний, то сегодня он случайный

сгусток плохо систематизированных сведений, причем из книжек, прочитанных им 25–30 лет назад, или собственного проектного опыта, давно и безнадежно устаревшего. Он не только не способен конкурировать с Google или Yandex, которые мгновенно и в точном соответствии с запросом подберут в интернете информацию и изображения по любой теме, он даже воспользоваться им не в состоянии, так как компьютер для него – непостижимое техническое устройство.

Для студентов же именно поисковые системы интернета становятся основным материалом в процессе самостоятельного формирования ими собственной профессиональной позиции. И от этого важнейшего процесса мы, преподаватели, увы, оказывается, как правило, полностью отстранены. Как следствие, все наши последующие попытки наложить на этот крутой замес случайных цитат, изображений шедевров современной архитектуры (без понимания природы их появления), «мудрых» мыслей современных архитектурных гуру и проч. хоть как-то теоретически упорядоченные профессиональные представления о предмете и методах проектного творчества приходят в прямое несоответствие с уже сформированной «позицией» и с неизбежностью отторгаются. Обычно в форме молчаливого сопротивления – с преподавателями не спорят, их терпеливо выслушивают, иногда даже кивают головой, чтобы симитировать взаимопонимание, но... ничего не делают из того, что те предлагают сделать...

А мы, чтобы сохранить стабильность своего психического состояния и самомнения, стараемся не замечать, как практически на наших глазах до предела истончается потребность в нас, преподавателях, как в лекторах. Студенты посещают занятия «биорепродукторов» с научными степенями и без оных только потому, что их за пропуски лекций журят в деканате или из-за опасения получить неуд, иногда (редко) – из-за привитой родителями дисциплинированности. А многие и не посещают вовсе... Но мы упорно продолжаем читать лекции, которые молодые люди, взрощенные в рамках интернет-культуры, абсолютно не в состоянии воспринимать, так как 15 минут – это для них предел концентрации

^ Рис. 1. Диалог на лекции. Преподаватель: – Развитие профессионального мастерства у студентов-архитекторов осуществляется по спирали... Голос с последнего ряда: – Это в смысле: спирали, спираем и будем спирать?..

^ Рис. 4. Источник: Архитектор, дизайнер интерьера и декоратор о профессиональных секретах. <http://diz-by.biz/architektor-dizajner-interera-i-dekorator-o-professionalnyix-sekretax.html> (10.05.2017)

< Рис. 2. «О, сплошняк!..» Источник: Юмор и карикатуры про архитекторов и их проектные дни. http://syndyk.by/article/gurnal/yumor_i_karikaturi_pro_arhitektorov_i_ih_proektnie_dni_17_foto-21992.html (10.05.2017)

< Рис. 3. «Сплошняк! О-о-о!..». Источник: Юмор и карикатуры про архитекторов и их проектные дни. http://syndyk.by/article/gurnal/yumor_i_karikaturi_pro_arhitektorov_i_ih_proektnie_dni_17_foto-21992.html (10.05.2017)

Russian Architectural Education: “Saw, Shura, It Is Gold...”

слухового внимания. После чего либо преподаватель должен осуществлять «взбадривание» аудитории ярким, необычным иллюстративным примером-образом, шуткой или анекдотом, либо подавляющая часть студентов начнет проваливаться с помощью своих телефонов в содержательно гораздо более насыщенное информационное пространство.

Об отрыве процесса обучения от источника знаний

Развитие дистанционных образовательных технологий предельно ослабило территориальную привязку знаний к местам их трансляции – к вузам. Сегодня ведущие учебные заведения мира предлагают любому желающему различные сертифицированные и платные, и бесплатные онлайн-курсы. В течение ближайших 5–10 лет это приведет к тому, что основной упор в образовательном процессе будет перенесен на выработку форм освоения практических умений и навыков. Преподаватели станут передавать учащимся свой уникальный опыт (который по большому счету невозможно транслировать через лекции) посредством ситуативного взаимодействия с ними в ходе совместных практических исследований, коллективной (бригадной) проектной деятельности, инновационных опытно-конструкторских разработок и т. п. Кстати, такое соучастие позволит объективно и на основе практических критериев оценивать продуктивность процесса развития профессионализма у студентов, а не проверять, как сейчас, способности запоминать на короткое время значительные объемы сведений.

И следует констатировать, что проверять эффективность участия обучающегося в практических исследованиях, групповой проектной деятельности, концептуальных разработках и проч. мы не умеем. Проверять качество мышления, понимания и рефлексии студентов не в состоянии никто из преподавателей. А кроме того, учебными и рабочими программами подобное совершенно не предусмотрено, несмотря на повсеместное массовое употребление новомодного слова «компетенция», которое означает именно это: знания, умения и навыки, «сплавленные» до способности человека к практическому осуществлению конкретного аспекта того или иного вида деятельности.

О самоопределении студентов и преподавателей в отношении процесса учения

Сегодняшние студенты в значительной степени ориентированы на усвоение готового «объективного» знания, на восприятие утверждений, высказанных авторитетами или обнаруженных ими в «Ютубе» и «Твиттере», и, как следствие, процесс формирования и развертывания внутри их «творческого существа» профессионально-теоретического содержания часто выливается в запоминание некоторого количества бессвязных тезисов из мудрых мыслей очередного «теоретика» или обрывков текстов из модной книжки, на некоторое время внезапно ставшей популярной. Но вовсе не через самостоятельную систематизацию информации, самокритику, сопоставительный анализ представлений, самостоятельное размышление об уместности или неуместности применения того или иного методического приема или теоретического подхода... Личная профессиональная позиция и язык их «теоретической» рефлексии лишены, как правило, мировоззренческого базиса, а порой, к сожалению, и здравого смысла.

О том, что это такое: «обеспечивать условия формирования студентами личного знания» – и в каких формах этот процесс следует осуществлять, подавляющее большинство преподавателей даже не задумывается. Мы, преподаватели, вообще не замечаем тех трансформаций, которые произошли за последние десятилетия в способах обретения умений и навыков: в системе архитектурного образования мы по-прежнему заставляем учащихся чертить планы и разрезы, рисовать фасады, почему-то именуя этот процесс «проектированием». Мы, как и пятьдесят лет назад, проводим индивидуальные консультации, указывая на неправильности планировочных структур... Правда, сейчас тыкая карандашом уже не в бумагу, а в экран...

И еще дурнее: мы предлагаем студентам самостоятельно читать учебники, перебрасывая пласти знания на так называемую самостоятельную работу, не сформировав при этом у них хоть какого-то навыка к подобному типу самообучения, не осуществив никакой переработки старых учебных материалов, не обеспечив никакой дистанционной или непосредственной диалоговой системы,

обеспечивающей осмысление и критику получаемых знаний, не обеспечив включения «самоосваиваемых» знаний в учебное проектирование в целях проверки глубины и правильности их усвоения.

Мы просто говорим: «Идите в библиотеку и прочитайте вот этот список учебников...», даже не подозревая о том, что «единицей» концентрации визуального внимания для современной молодежи является не книжная страница текста, состоящего из букв, а визуальный «кадр», собранный из предельно сконцентрированных разъясняющих изображений, снабженных поясняющими короткими тезисами (лучше всего, если представленных средствами инфографики). И мы не желаем замечать, что студенты-архитекторы в массе своей читать буковки уже не в состоянии, потому что экранный формат восприятия информации еще на школьной скамье лишил их способности долго двигаться по тексту, вникая в его смысл. Экранный формат приучил их (и не только их) к единомысленному схватыванию содержания визуального кадра, в котором, если отсутствует конкретный ясный тезис с таким же конкретным смыслом, то мозг тут же этот кадр отбрасывает, выбраковывает, стирает, забывает. Те же из числа молодых людей, кто обладает способностью к вдумчивому, размеренному чтению буквенных текстов, поступают учиться на другие специальности: история, журналистика, филология, социология, психология – потому что у них иной психотип личности...

Конечно, сейчас появились самые широкие возможности проводить в учебном процессе занятия в виде ролевых, деловых, организационно-деятельностных игр, дискуссий, диспутов, круглых столов и проч., т. е. тех форм профессионального диалога и проектной практики, которые наиболее эффективным образом обеспечивают усвоение самостоятельно начитанных знаний. Но кто из преподавателей умеет это делать так, чтобы студенты получили хоть какой-то практико-методический или концептуально-теоретический результат, а не просто «поболтали» или «поклазурили»? В каком из вузов рабочие программы сформированы таким образом, чтобы содержание дискуссии или игры затем нашло непосредственное воплощение в параллельно (или с небольшим «отступом» по времени) идущем проекте или в разделе магистерской диссертации [1–5]?

О сопутствующих дисциплинах

Многие профессиональные качества архитектора традиционно формировались через рисование и практическое пространственное моделирование в макетах. Но макетных мастерских в вузах давным-давно уже нет. А нынешние предметы рисунка и живописи давно утратили способность формировать эти качества. Вместо них студент годами натаскивается на изображение городских пейзажей, натюрмортных красотей или отработок техник владения углем, сангиной и пастелью, совершенно не связанных с пространственным мышлением.

«Сплошняки», которые тренировали способность продолжительной концентрации трудовых усилий, давно исчезли, отблесками памяти подогревая ностальгические воспоминания представителей старших поколений (рис. 1, 2).

Смежные дисциплины инженерной направленности, которые в подавляющем большинстве провинциальных вузов читают технические специалисты, никак (за прошедшие десятилетия) не преобразованы в соответствии с сегодняшней спецификой содержания работы архитектора. Их основой по-прежнему являются абстрактные расчеты по строительной механике, сопромату, материаловедению, которые архитекторам абсолютно не нужны, а внятные и наглядные непосредственные разъяснения того, как работает конструкция, как ведет себя под нагрузкой тот или иной материал, так и не появились,

несмотря на стремительное развитие компьютерных изображений, способных моделировать и демонстрировать любые процессы в их динамике (рис. 3).

Если студенты изучают экономику, то выполняя расчеты стоимости работ по устаревшим ЕНПРам и ЕРЕРам, которые никакого отношения к реалиям и фактическим рыночным ценам давно уже не имеют...

Безусловно, живой интерес к профессиональным идеям, смыслом, реалиям деятельности присутствует у сегодняшних студентов и, скорее всего, сохранится и у завтрашних. Особенно на первых порах учебы, потому что первокурсники, в силу своей возрастной живости, интересуются всем, что попадает в зону их внимания.

Сегодня подавляющее большинство российского профессионального архитектурного сообщества даже приблизительно не понимает, по каким законам, в каких формах, с какими смыслами, в каких реальных взаимоотношениях с властью, строительным бизнесом, инвесторами реализуется архитектурно-проектная деятельность у нас в стране. Этому никто не учит, потому что этого никто толком и не знает. А те архитекторы, которые знают – испытали на своем личном опыте, по вполне понятным причинам об этом публично не распространяются...

Об архитекторе как демиурге и соучастующем проектировании

В советский период архитектор был полностью отстранен от учета конкретных потребностей персонифицированного потребителя. В послереволюционный период переход от работы с конкретным заказчиком к «обслуживанию огромных масс трудящегося населения» был мучителен для профессии, поскольку он кардинально изменял и мировоззрение, и методологию, и принципы творческого самоопределения. В советский период проектирование велось под усредненного потребителя, «портрет» которого задавался архитектору через нормативы, но мог быть легко конкретизирован и дополнен за счет наличия огромного комплекса прикладных исследований, которые постоянно вели научные институты, как в рамках архитектурной специальности, так и в смежных дисциплинах (рис. 4).

Сегодня профессия столь же мучительно переживает обратный перелом. И необходимость восстановления живого контакта с заказчиком / будущим потребителем вновь ставит профессию перед пустотой – мировоззренческой, методологической, основ творческого самоопределения. Ах, как много в предыдущие годы было произнесено умных слов о том, что архитектору необходимо обладать профессиональным умением вступать в непосредственный контакт с конкретным потребителем, чтобы в реальной, живой коммуникации извлекать знания о нем, выявлять его запросы. И вовсе не только при проектировании отдельно стоящего коттеджа на одну семью, но и при проектировании офиса, торгового здания, разработке документов территориального планирования. Об этом говорились и писалось многие годы, даже несколько магистерских диссертаций было защищено в нашей сфере по теме «соучастующего проектирования»... И абсолютно ничего за эти годы не изменилось в практике обучения и реальном проектировании. Ничего не произошло в отношении корректировки содержания учебных курсов и реформирования рабочих программ в целом – только неуслышанные никем призывы и мало кому известная персональная активность нескольких энтузиастов...

И вот совершенно неожиданно Министерство строительства РФ внезапно провозгласило в прошлом году Приоритетный проект «Комфортная городская среда», причем в качестве обязательного условия выделения финансирования выставило требование проведения

^ Рис. 5. «Работа с персонифицированным потребителем – светлое будущее архитектуры!» Источник: Демотиваторы и приколы. <https://demotos.ru/karikatury?page=9> (10.05.2017)

^ Рис. 6. Источник: https://yandex.ru/images/search?text=карикатуры%20об%20архитекторах&noreask=1&img_url=https%3A%2F%2Favt-13.foto.mail.ru%2Flist%2Fgeoniks%2F_avatar180%3F1453876406&pos=11&rpt=simage&lr=63

соучаствующего проектирования. И все разом «вдруг» прозрели и осознали, что «да-да, это действительно, важно!», но что... никто этого делать так и не умеет, потому что никто и никогда никого этому не учил. В итоге сейчас позицию «организатора соучаствующего проектирования», как это уже не раз бывало в новейшей отечественной истории существования архитектурной профессии, займут представители других специальностей, а мы будем продолжать на научных конференциях и круглых столах уныло сообщать друг другу, что «статус нашей профессии сегодня упал... мы обществу не нужны...».

О целенаправленности советского образования и неопределенности современного

Высшее образование в СССР централизованно формировалось для удовлетворения «реальных запросов практики». Руководство страной, сначала через наркомат просвещения, а потом через министерство образования требовало от системы подготовки кадров перестраивать программы, отменять старые и формировать новые учебные предметы, открывать новые специальности и проч. в строгом соответствии с очередным разворотом государственной политики. И система архитектурного образования в СССР не являлась исключением в этом процессе: она функционировала точно так же – как структурный элемент «народного хозяйства», предназначение которого заключалось в том, чтобы проектно обеспечивать строительные программы в соответствии с очередным изменением направленности архитектурной или градостроительной.

Партия и правительство требовали разворота экономики на «развитие новых отраслей», как следствие, формировались новые сферы строительного производства, появлялись новые направления проектной деятельности – открывались новые специальности. Закрывались отрасли промышленности, свертывались устаревшие виды строительного производства – закрывались специальности. Архитектурное образование и сейчас остается плотно «вшитым» в сферу «народного хозяйства», и появление или исчезновение тех или иных отраслей деятельности с неизбежностью приводит к возникновению или исчезновению целых направлений образования:

испарилась «архитектура сельских населенных мест» – сократилась соответствующая специальность, исчезла «промышленная архитектура»... зато оформились задачи разработки документов территориального планирования различного территориального масштаба, проектов зон охраны, правил землепользования и застройки и т. п.

Понять причины сегодняшнего кризиса профессии только изнутри – из внутренней логики развития отечественной архитектурно-градостроительной мысли и практики – невозможно, потому что изменения, которые претерпевала профессия архитектора в СССР, определялись «наружными» обстоятельствами – тем давлением, которое оказывала власть на профессию архитектора, превращая ее в послушное средство достижения партийно-государственных целей, а вовсе не эволюцией внутренних смыслов профессиональной культуры. В результате архитекторы были отстранены от решения огромного количества вопросов, предопределявших качество среды обитания. Авторы планировок соцгородов и проектов конкретных построек не способны были влиять на выбор типологии жилого фонда или параметры генплана. Потому что выбор фундаментального содержания архитектуры и градостроительства – определение характера структурирования поселения на части, формирования системы общественных пространств, определение функционального состава объектов обслуживания, и их вместимости, выбор способа заселения квартир и домов, установление количества квадратных метров жилья, предназначавшихся человеку (или семье) и даже стилистика архитектуры фактически лежали вне их компетенции, задавались свыше через предписания программ проектирования или постановления о лимитировании стоимости квадратного метра жилья, через указания на типологический состав жилого фонда; через ограничения на использование определенных видов строительных материалов и конструкций, через указания на обращение к тем или иным образным прототипам и т. п.

Проектировщикам (и прямо, и косвенно) уже в готовом виде задавались: зоны размещения и градостроительные принципы формирования селитбы, расчетная численность населения соцгородов, показатели баланса территории, плотность застройки, вид планировочной структу-

^ Рис. 7. «Градкодекс уже затем знать нужно, что он ум в порядок приводит!» Источник: Каталог Российской карикатуры. <http://caricatura.ru/art/mazabellini/url/parad/mazabellini/19577/> (10.05.2017)

^ Рис. 8. «Ну, что вам тут надо отреставрировать?» Рисунок Г. и В. Караваевых (<http://www.stihi.ru/pics/2010/09/30/3607.jpg>)

ры (строчная, периметральная, регулярная, живописная), иерархия планировочных единиц, уровень инженерного оборудования территории, ориентация пешеходных связей, количество озеленения, виды городского транспорта и проч. Ничего из этого они не были вольны определять самостоятельно. Все перечисленные выше параметры в повседневную практику проектирования внедрялись через нормативные предписания, а также через распространявшиеся образцы проектных решений, которые вырабатывались, либо непосредственно в ходе проектирования, либо на специально организуемых конкурсах, итоги которых широко популяризировались потом через архитектурную печать.

Изменить что-либо в этой системе было нечеловечески трудно. А если изменения и случались, то точно не потому, что «архитектурная теория подсказала верное решение». Изменения в советской архитектуре осуществлялись всегда сверху и были подобны, по образному выражению А. Иконникова, повороту «все разом», осуществляемому эскадрой по приказу командующего. Понять причину этого маневра, сидя в трюме одного из «судов» (т. е. в проектной или научно-исследовательской конторе), было абсолютно невозможно. Только лишь через призму официальной расселенческой, жилищной, промышленной, миграционной, градостроительной политики и то лишь сегодня – отстранившись во времени – можно ответить на вопрос о причинах резких изменений курса советской архитектуры. Потому что только с «капитанского мостика» становятся понятными те действия (а также их мотивы и способы осуществления), которые власть целенаправленно и методично прилагала к профессии архитектора с целью изменения ее в нужном для себя направлении.

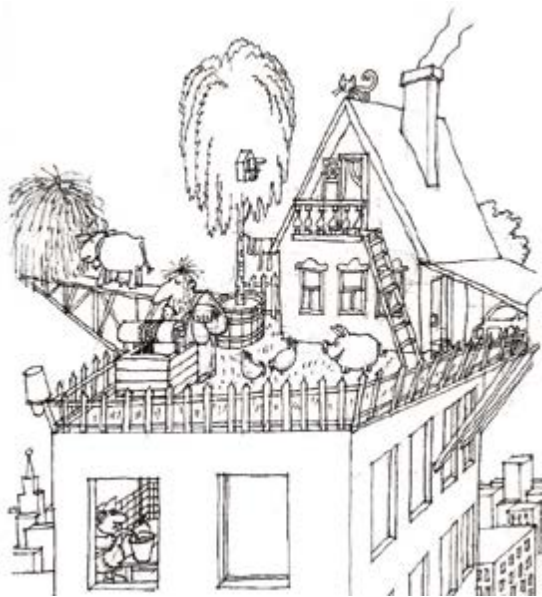
В связи с этим историческим осознанием встает вопрос: кто сегодня, вместо государства, выступает в роли заказчика на работу по реформированию содержания и форм подготовки специалистов в системе высшего архитектурного образования? Никто! Попытка навязать эту функцию профессиональному сообществу в лице Палаты или Союза архитекторов, или СРО – бессмысленна: это лишь очередная система поборов за сдачу «профессионального экзамена» и получения лицензии.

Сегодня инициатором локальной трансформации системы архитектурного и градостроительного образования, согласны мы с этим или нет, должен выступать сам вуз – факультет, кафедра... И формально вузы обладают правом самостоятельно определять содержание учебных дисциплин, самим решать каким образом следует «развивать человеческий капитал», формировать в молодом поколении желание и способность строить лучшее будущее, проявляя личную инициативу, умение самостоятельно искать и использовать знания, готовность и способность кооперироваться с другими людьми в ходе решения трудовых и социальных проблем. Но готовы ли к этой миссии мы сами? Готовы ли к этому заведующие кафедрами и деканы со средним возрастом за 60 лет? Готов ли к инновациям профессорско-преподавательский состав, которому в среднем 50 с небольшим (рис. 4-1)?..

Современное урбанистическое образование

Современное архитектурное и урбанистическое образование современным вовсе не является. Сегодня обучение градостроительству сводится к тому, что преподаватели под лозунгом о том, что профессия архитектора основана на пространственно-планировочном воображении и пространственном моделировании, неустанно приговаривая, что планировка – это «искусство пространственной организации среды», сводят содержание проектов к композиционной расстановке домиков на подоснове по принципу: «козявочка туда, козявочка сюда». К тому же и многие заведующие кафедрами, «верные традициям», отвергают необходимость подготавливать студентов к разработке проектов межведования, правил землепользования и застройки, к формированию таких градостроительных регламентов, которые способны обеспечивать, например, сохранение исторической среды и т. п. – эти «нетворческие», и поэтому «неблагородные» занятия, по их мнению, лежат за границами предмета профессиональной деятельности (рис. 5).

В современном российском архитектурном образовании основой интеллектуального обеспечения учебной проектной деятельности является мифология. Она почти полностью заменяет объективное осознание реалий. В этой идеологически трансформированной действительности, такие предметы, как социум, потребитель,

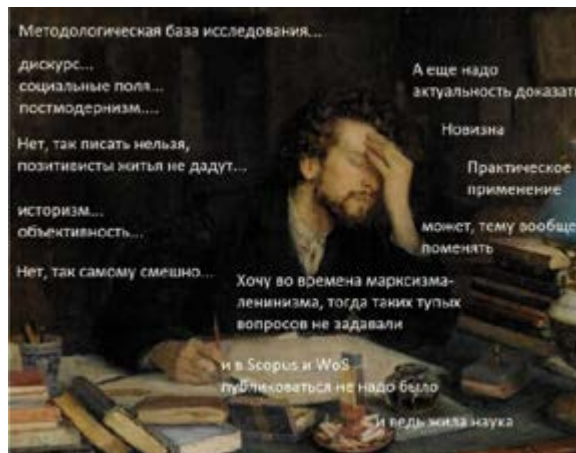
^ Рис.9. Из призывов к абитуриентам: «Мы научим вас совмещать преимущества загородной жизни с высоким качеством жизни городской!..» Автор карикатуры – А. Б. Некрасов, член-корреспондент РААСН, заведующий кафедрой архитектуры жилых зданий МАРХИ, кандидат архитектуры, профессор. Источник: Новогодний фестиваль карикатур из жизни архитекторов, дизайнеров и декораторов. <https://salon.ru/news/novogodnij-festival-karikatur-iz-zhizni-arhitektorov-dizajnerov-i-dekoratorov-37962> (10.05.2017)

ценности бытия, смыслы жизни, идентичность исторической среды и т. п. представлены очень своеобразным образом... В результате многие реалии устройства российского общества, особенности проявления его культуры, характер принятия архитектурно-градостроительных решений до сих пор остаются для студентов и их педагогов катастрофически закрытыми для рефлексии и описания. А без этого реалистичность как теоретических построений, так и учебных проектов оказывается сильно искаженной, а их практическая употребимость почти нулевой.

О современных проблемах городской среды и решении их в учебном проектировании

Студентов не учат проектированию массового жилья – по-настоящему дешевого, но при этом технологически оборудованного, комфортного, основанного на осмыслении и решении широкого круга существующих социально-культурных и функциональных проблем. Студентов не учат решению задач регенерации, ревитализации, реконструкции городской среды. Задачи реконструкции исторической среды давно вылились в ее тотальное уничтожение. В Советском Союзе проблемы развития сложившейся городской среды решались легко: надо было снести очередной памятник архитектуры, мешающий расширению улицы, – его сносили. Надо было уничтожить квартал исторической застройки, чтобы возвести новый административный или торговый комплекс, – пожалуйста.

Отношение к памятникам и исторической городской среде в целом как к «пережитку прошлого», негативно-му явлению, «трущобам», от которых нужно побыстрее избавиться, – остаток от советской градостроительной доктрины, который из прошлого незаметно переполз в настоящее и вслед за практикой обучения, увы, постепенно перемещается в будущее. От него не только образование, от него и нынешняя власть не может освободиться: дескать, историческая застройка – вред, обуза, ненавистный элемент в современном городе. Чем быстрее удастся вывести объекты культурного наследия из списка памятником, чем меньше их будет, чем быстрее получится снести всю эту «гниль» под разными предлогами – сечь,

^ Рис.10. Архитектурная наука живет и побеждает! Рисунок представлен Я. Ю. Лисициной

развалить; тем скорее можно будет занять освободившиеся территории «новостройками из стекла и бетона». Прогресс видится именно в этом, а не в сохранении архитектурного антиквариата и, как следствие, исторической памяти.

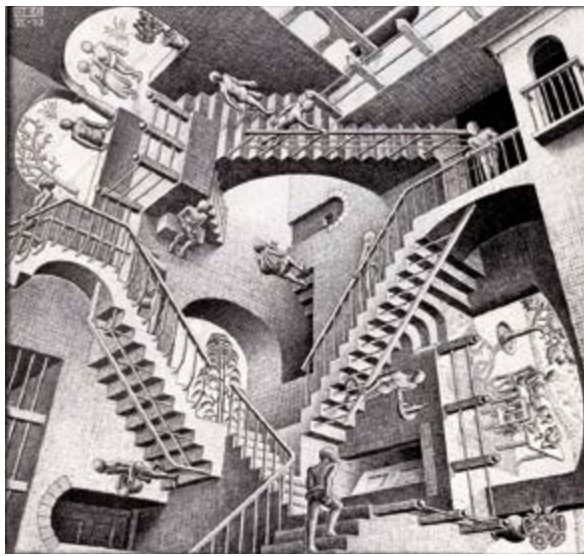
«Комплексное и устойчивое развитие застроенных территорий» – современный мифологизированный слоган, прикрывающий ковровый снос всей существующей на данном месте застройки (как правило, не приватизированной из-за ее ветхости) и возведение на ее месте частными инвесторами коммерческого жилья (рис. 5-1).

Сейчас практика добралась до еще более крупного масштаба передела собственности – хрущевских пятиэтажек, на которых надвигается неминуемый, бессмысленный и тотальный снос, цель которого предельно далека от архитектурно-градостроительного содержания и является лишь следствием стремления московских властей поддержать крупные столичные строительные компании, переживающие серьезный кризис, за счет приобретения у них на средства бюджета нераспродаваемых новостроек для формирования городского «маневренного фонда» и передачи им территории в центральной части города под переосвоение.

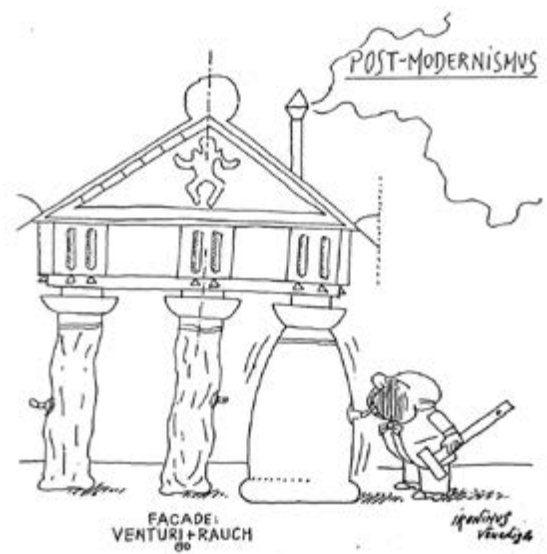
И опять, как в СССР, к мнению архитекторов относительно целесообразности таких решений никто из властей предрешающих не прислушивается.

Преподаватели. Их творческий и интеллектуальный потенциал, компетенции, способность к постановке реалистичных учебно-проектных задач

Студенты полностью лишены знаний о современных процессах трансформации среды обитания, о реальных механизмах улучшения ее качества. Им даже подосновы для разработки проектов новых жилых районов выдают в границах существующей малоэтажной, городской усадебной застройки, правда, неблагоустроенной и поэтому малоценной. А когда студенты спрашивают, как нам ее учитывать, преподаватели отвечают: «Рельеф учесть, а существующую застройку считать, что ее не было...» А когда кто-то из студентов недоуменно спрашивает: «Я именно в этом месте живу. И мы с отцом своими руками новый дом построили, скважину пробурили – есть

^ Рис. 11. На экзамене преподаватель спрашивает у студента: – Что такое нелинейная архитектура? – Мы этого не проходили! – Правильно! Давайте зачетку.

^ Рис.12. «Нам золотое сечение ведомо!.. Нас, педагогов, не надуеть!..» Источник: Архитектурный Иронимус: карикатуры Густава Пайхля. <https://salon.ru/news/novogodnij-festival-karikatur-iz-zhizni-arhitektorov-dizajnerov-i-dekoratorov-37962> (10.05.2017)

вода, канализационный бункер, наполняется – вызываем машину выкачивать... сад, огород... Я здесь всю жизнь жить планировал... Что же мне теперь своими руками разрабатывать проект, который узаконит снос моего дома?», то в ответ педагоги начинают долго рассказывать о «несомненных преимуществах многоэтажной городской жилой застройки перед индивидуальным усадебным городским жилищем, которое занимает слишком большую площадь городской территории...»

Все вопросы студентов о критериях того высокого «качества среды обитания», обеспечение которого на словах требуют от них их преподаватели, прикрываются пустоопорожной болтовней последних, не способных сформулировать ни одного внятного и конкретного параметра. В итоге студенты в большей степени научаются оперировать возвышенными словестными лозунгами, а не параметрическими показателями качества проектируемой среды (рис. б).

О профессиональном мышлении и архитектурной теории

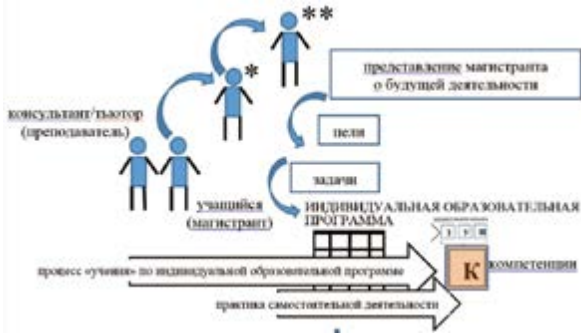
Профессиональное мышление – это субстанция из тех реальностей, в которых за него платят. У нас же архитектурные идеи никому не нужны. А проявление мышления воспринимаются как ненужная заумь. Эта традиция также тянется своими корнями из советского прошлого. Ни одна архитектурно-градостроительная доктрина, возникшая в умах архитекторов в советский период – начиная со сталинской эпохи, затем в хрущевский период, потом в брежневскую эру застоя, вплоть до кончины Андропова, и заканчивая отказом от власти Горбачева, никак, абсолютно никак не повлияла на партийно-правительственные решения в отношении формирования системы расселения, разработки генпланов населенных мест, расширения типологии жилища и объектов соцкультбыта, формообразования зданий и сооружений, придания художественно-образных качеств среде обитания. Напротив, псевдодоктрины (вроде метода социалистического реализма) были специально придуманы властью для идеологического манипулирования архитектурным сознанием и даже ухитрились оказать огромное влияние на профессию.

Теория архитектуры и градостроительства – это продукт профессионального мышления, рефлексирующего над профессиональной деятельностью. От практики возведения построек она отличается тем, что выражается в словах и текстах, а не в лепнине и перекрытиях. Она – редкий продукт еще более редкой способности – способности к теоретизированию, утраченной (а точнее, так и неприобретенной) подавляющей массой современных представителей профессии. Способности, отсутствующей не только у проектировщиков-практиков, но даже и у многих современных ученых, которые владеют широким спектром качеств, необходимых исследователю, – умение выявлять и собирать материал, его систематизировать, обобщать, сопоставлять, верифицировать, анализировать, выстраивать процедуры исследования, формулировать выводы. Ученых, которые подчас способны разрабатывать концепции, грамотно ставить цели, последовательно и точно переводить их в задачи проектирования, трезво оценивать ситуацию, сопоставлять варианты эскизов, выбирать лучшие решения и многое другое... Но не умеют порождать теоретических текстов. И соответствующих мыслей... Откуда при этом подобным этим способностям возникнуть у студентов?

О свободной независимой профессии, о госслужащих и предпринимательстве

Во всем мире не прерывалась практика существования независимой, самоуправляемой, постцеховой профессии Архитектора, основанной на частной инициативе, толкавшей своими инновациями в формообразовании развитии строительных технологий, методов расчета конструкций, способов проектирования, инициировавших появление абсолютно новых конструктивных систем. Советская власть архитектурную профессию из свободной самоорганизующейся предпринимательской деятельности на многие десятилетия превратила в сферу государственных услуг.

Если в архитектуре Запада первой половины XX века маховиком прогресса являлась проектная мысль, которая продвигала предпринимательство в строительных технологиях и формообразовании, то в стране, где прогресс архитектуры и градостроительства определялся

^ Рис.13. Схематическое изображение процесса формирования персональных индивидуальных образовательных программ в современной магистратуре

^ Рис. 14. Хорошо, что мы не авиаконструкторы... Источник: Золотые авиабилеты: грядет отмена чартерных рейсов. <http://rovego.livejournal.com/7655649.html?media> (01.08.2017)

функционированием государственной системы массового проектного дела, подобное было невозможным.

В СССР любые массовые изменения в профессиональном мышлении и характере творческой деятельности архитекторов происходили под воздействием распоряжений партии и правительства. Корни самых весомых поворотов к самым мощным переменам в массовом профессиональном сознании советской эпохи, лежали не в теории, а в политике. Базисом периодических изменений направленности массовой проектной деятельности, причинами осуществления реформ в жилищной и градостроительной политике, мотивами трансформации содержания образования являлась не естественная эволюция теоретического знания, а спускаемые свыше приказы. И изменения в самой архитектурной теории были следствием сначала начальственных команд, а затем целенаправленно организуемых, направляемых и планомерно осуществляемых идеологических компаний, запрещавших и уничтожавших одни книжки (идеи, смыслы, проекты) и стимулировавших появление других. Новые конструктивные решения, теоретические доктрины, проекты, порожденные индивидуальной мыслью, после прохождения через жернова цензуры либо уминались до дозволенного вида и содержания, либо отвергались, продолжая покоиться в полной неизвестности в щелях «между ошибкой и террором».

Архитектурная наука была полностью интегрирована в этот процесс. И сегодня полное разрушение этой включенности – одна из причин той растерянности, которую она переживает, будучи не в состоянии обрести новые смыслы своего существования: совершенно непонятно кому, зачем, в каких целях нужны «ученые от архитектуры» (рис. 8). Они востребованы исключительно сферой высшего образования и исключительно для обеспечения самоотчетности к очередной аттестации вуза по параметру «научной острепенности».

Сегодня на смену прежней традиционной профессиональной культуре незаметно, но всеохватывающе пришла новая. В ее условиях архитектор давно превратился из «певца прекрасного» в «коммерсанта-предпринимателя»: он не ждет, когда земная слава и очередной заказ отыщут его; он сам настойчиво предлагает свои услуги. А это означает, что у него есть что предложить: дешевле, про-

грессивнее, комфортнее, чем это было вчера и чем это предлагают другие... Такой архитектор заинтересован в науке, инновациях, теории, технических, экономических, пространственных эффектах, формотворчестве... Именно его амбициями и его интересом иницируются, а часто и финансируются научные разработки по созданию новых строительных и отделочных материалов; инженерных систем с новой эффективностью; технических устройств с новыми свойствами, экономящих все, что потребляется; возобновляемых источников энергии; «умных городов»; новых подходов в управлении, организации и даже самоорганизации проектных и строительных процессов... Архитектор сегодня сам иницирует разработку программ автоматизированного изготовления чертежей, уменьшающих его трудозатраты и экономящих время и средства оплаты труда, нанимаемых им исполнителей, дающих лично ему персональное свободное время для размышлений и поисков в областях перечисленных выше...

Сегодня, в условиях существования в нашей стране архитектуры в финансово-экономических реалиях государственного капитализма «с человеческим лицом», частное предпринимательство формально вернулось в профессию. Но ухитрившись сохранить при этом все родовые травмы советского прошлого, вплоть до государственного распределения средств на крупные проекты, которые по замыслу должны являться «экспериментальной площадкой внедрения новейших технологий в строительство и инженерии», а на деле превращаются в механизм перекачивания государственных средств в частные карманы. В итоге не инженерно-технологические инновации, проектно-строительные эксперименты, прогрессивные формы организации проектирования и строительства оказываются целью и смыслом архитектурно-планировочной деятельности, а та же экономия денег, что и в СССР, и по тому же самому принципу: «дешевле построишь, больше положишь на свой личный счет».

Студенты-архитекторы, как и в СССР, продолжают учиться рисовать красивые картинки для начальства, распоряжающегося деньгами. Только именуются эти картинки по-современному – презентациями и визуализациями. Правда, потом под давлением строительного заказчика все в проектах упрощается до предела, а потом

еще и на стройке начинает происходить стандартный процесс: выполняется не то, что нужно, а то, что там делать умеют и что делать проще. Роль архитектора как «главного строителя» сохранилась лишь в романтических исторических воспоминаниях о древней Греции и Риме, да еще в идеологически лживых мифах о советском периоде, когда система функционировала одним образом, а словестно-идеологически вещала о «высокой роли архитектора на советской стройке» (рис. 9).

Мы, преподаватели, в большинстве своем вовсе не предприниматели. Мы продолжаем привычно плакаться друг другу о незаслуженном принижении своей роли в обществе или укорять всех и вся за непонимание «высокого предназначения Архитектуры»... Мы даже не ставим вопросов о наших реальных способностях определять перспективы формирования городской среды в условиях, когда она сама выступает в отношении нас «заказчиком». Мы не в состоянии очертить круг отсутствующих пока профессиональных знаний, необходимых для того, чтобы хоть чуточку соответствовать будущему, которое в некоторых странах уже успело превратиться в прошлое. Мы не умеем формировать в студентах профессиональное мировоззрение, способное побеждать в конкуренции в том мире, где архитектор все в большей степени совершенно не нужен, где его место уже прочно заняли строитель, девелопер, инженер-технолог, дизайнер... Мы даже не в состоянии внятно и убедительно разъяснить хотя бы самим себе, кто мы в еще столь далеком от нас, но уже давно наступившем для многих других будущем (рис. 7).

И преподаватели, и заведующие кафедрами, и деканы, и директора институтов – все мы в одинаковой степени совершенно не представляем, чему хотели бы научиться студенты в условиях, когда переживающие глубокий кризис сферы архитектурного и градостроительного проектирования вполне обходятся уже имеющимися специалистами. Мы вообще не даем им организационных возможностей говорить об этом и практически влиять на содержание процесса учения. При разработке учебных планов и рабочих программ преподаватели исходят исключительно из того, что они сами знают и умеют, а не из того, в чем нуждаются и чего хотят бакалавры и магистранты. И это несмотря на то, что именно собственные представления магистранта о будущей деятельности (которой сегодня, возможно, еще и не существует) должны быть с помощью тьютора оформлены в индивидуальную образовательную программу, способную обеспечить в ходе учения не только приобретение магистрантом специфических знаний, умений и навыков, но и «сплавить» их до вида компетенций, т. е. способности к реальному осуществлению инновационных практик (рис. 8-1).

Обращение к размышлению о будущем профессии возможно только после того, как мы сами себе зададим главный вопрос нашего профессионального самознания: кто мы есть в нашем профессиональном мире, который в нас – таких, какие мы есть, уже не нуждается...

Если мы постараемся рассказать (хотя бы самому себе), что мы «изобрели» за последние 10 лет; какой новый контент создали; какое проектное новшество внедрили; к какому количеству инвесторов обратились с конкретным предложением удешевить строительство или проектирование, одновременно существенно повысив его качество; какие качественно новые пространственные впечатления сформировали в своих проектах (постройках); какое новое качество среды обитания создали (хоть на самом крошечном клочке территории)... то, возможно, ответы на эти вопросы и наше осознание наших компетенций изменят содержание текущего архитектурного образования мощнее, чем ФГОС-4...

Литература

1. Меерович М. Г., Ямова Е. В. Магистратура как индивидуальная программа самоподготовки в системе архитектурно-художественного образования // Современные технологии и методики в архитектурно-художественном образовании : материалы междунар. науч.-метод. конференции. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та архитектуры, дизайна и искусств, 2016. – С. 97–99.
2. Меерович М. Г. Международный Байкальский Зимний градостроительный университет – 2010 // Проект Байкал. – № 22. – 2010. – С. 98.
3. Меерович М. Г. Международный Байкальский Зимний градостроительный университет – экспериментальная практико-методическая и теоретическая площадка специальности «урбанистика» // Архитектурное образование на перепутье: выбор траекторий : материалы междунар. научн. конференции. – Вологда, 2007. – С. 140–144.
4. Меерович М. Г. Проблемы градостроительного образования [Электронный ресурс]. – <http://gradoforum.novo-sibirsk.ru/?eo=docs&id=8>.
5. Меерович М. Г. Дизайн-коды для Иркутска исторического // Проект Байкал. – 2015. – № 45. – С. 128–133.
6. Лидин К. Л., Меерович М. Г. Клиенто-ориентированный дизайн интерьеров // Архитектурное образование на перепутье: выбор траекторий : материалы междунар. науч. конференции. – Вологда, 2007. – С. 211–215.

References

- Lidin, K.L., & Meerovich, M. G. (2007). Klientno-orientirovannyi dizain interierov [Client-oriented interior design]. Proceedings from the international research conference: Arkhitekturnoe obrazovanie na pereputie: izbor traektorii. Vologda, 211-215.
- Meerovich, M. G. (n.d.). Problemy gradostroitel'nogo obrazovaniya. Retrieved from <http://gradoforum.novo-sibirsk.ru/?eo=docs&id=8>
- Meerovich, M. G. (2007). Mezhdunarodnyi Baikalskii Zimnii Gradostroitelnyi Universitet – eksperimental'naya praktiko-metodicheskaya i teoreticheskaya ploshchadka spetsialnosti "urbanistika" [International Baikal Winter University of Urban Planning Design as an experimental practical, methodical and theoretical platform for urban studies]. Proceedings from the international research conference: Arkhitekturnoe obrazovanie na pereputie: izbor traektorii. Vologda, 140-144.
- Meerovich, M. G. (2010). Mezhdunarodnyi Baikalskii Zimnii Gradostroitelnyi Universitet [International Baikal Winter University of Urban Planning Design]. Project Baikal, 7 (22), 98. DOI: <http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.22>
- Meerovich, M. (2017). Design Codes for Historical Irkutsk. project baikal, 12(45), 128-133. doi:<http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.45.904>
- Meerovich, M. G., & Yamova, E. V. (2016). Magistratura kak individual'naya programma samopodgotovki v sisteme arkhitekturno-khudozhestvennogo obrazovaniya [Master's degree as an individual program of self-training in the system architectural and art education]. Proceedings from the international research and methodological conference: Sovremennye tekhnologii i metodiki v arkhitekturno-khudozhestvennom obrazovanii. Novosibirsk: izd-vo Novosib. Gos. Un-ta arkhitkтуры, dizaina i iskusstv, 97-99.